

Andrej Dynko

Между братской Россией и мирной Европой

Социологические исследования внешнеполитических симпатий белорусов в 2003 году выявили: две трети избирателей хотели бы присоединения страны к Евросоюзу, но только одна треть готова за евроинтеграцию платить отказом от единого экономического пространства с Россией. При этом две трети хотят сохранения союзных связей с Россией, а еще четыре пятые – убежденные приверженцы независимости. Эти цифры поначалу воспринимаются как шифр серьезной болезни. Как только не критиковали интеллектуалы–моралисты эту шизофрению сознания, это неразборчивое гражданское чувство. Белорусы хотели бы несовместимого, причем сразу – и в Евросоюз войти, и быть независимыми, и сохранить союз с Россией. Политологи сетовали, что белорусы лишены политического мышления, готовы жить миражами и голосовать за политиков, которые наиболее успешно эти миражи создают. Существование независимости и союза с Россией воспринимается народом как свершившийся факт, и подозрения в его реальности возникают только тогда, когда один союзник время от времени перекрывает другому газ. С Россией и независимостью все более менее ясно. Подобно героям "Леопарда" Томазо де Лампедузы белорусы хотели бы все изменить так, чтобы все осталось по–старому. Можно понять, почему мои соотечественники "хотят, чтобы было, как раньше", как это сформулировал Чекман. Тем более понимаешь это, когда едешь в желто–красном минском трамвае среди сдержанных, до унылости сдержанных, одетых в серое и черное белорусов. Но почему белорусы стремятся присоединиться к Европе, войти в Евросоюз? От Евросоюза нас до сих пор отделяет тысяча километров колючей проволоки: между деревней Комаровкой, родиной первого белорусского космонавта Петра Климука, на юге, и озером со шведским отзвуком в названии – Освея, на севере, всего несколько десятков пунктов пропуска. И эта воплощенная в проволоке противоречивость всеобщего (две трети народа) желания и реальности, данной нам в ощущении (граница на замке) рождает вопрос: что же так влечет белорусов к Европе, что вызывает евросимпатии в неблагоприятных для этого политических условиях. Чтобы ответить на такой вопрос, нужно понять, что общего у обитателей "центра Европы" и жителей благополучной европейской "периферии". Ответив на эти вопросы, мы также увидим, что ментально отличает Беларусь от России.

1

Постройки позднесоветского времени поражают своими огромными размерами и нефункциональностью. Как же отличаются от них немногочисленные еще здания, появившиеся в постсоветское время, часто с отделкой в стиле "евродизайн" – с заимствованием европейских архитектурных приемов доступными тут средствами. Временами зодчих

подводит вкус, зато их выгодно отличают функциональность и экономичность.

Европейское в Беларуси переживает период необычайной популярности. Народ не только делает "евроремонты" и ставит "евроокна", но и покупает "евроаспирин" в "евроаптеках". В Могилеве, вотчине президента, опрометчиво заявившего, что он свой народ за цивилизованным миром не поведет, сотрудники фирмы с характерным названием "Последний путь" объявили: качество их дубовых гробов с базовой комплектацией "соответствует евростандартам". Внимательный читатель газеты частных объявлений "Из рук в руки" найдет даже "коттедж, 100% готовности, евроландшафт". Речь идет не о рукотворном водоеме и непременно альпийской горке. Имеются в виду холмы Минской возвышенности, такие милые белорусам, утомленным бескрайними просторами Восточноевропейской равнины. Жизнь на этой монотонной плоскости, открытой всем ветрам и с Востока и с Запада, отсутствие каких бы то ни было естественных преград определяет не только характер пейзажа, но и привычки жителей страны, которая на карте похожа на пятиугольник. Или, если пофантазировать вслед за самым романтичным белорусским писателем Владимиром Короткевичем, – на зубра, что склонил свою могучую голову к западу и решил подкрепиться ... еврозубровкой.

Каждый в Беларуси знает, что его страна находится в центре Европы. Если верить газетам и географам, центр нашего Старого Света покоится в водах небольшого озера с лапидарным названием Шо.

Точно так же в Литве каждый знает, что центр Европы находится возле Алитуса, а украинцы уверенно размещают его в головокруглительно прекрасных пейзажах Рахова, в Закарпатье. Исключительная красота всех этих центров с потрохами выдает географию как науку в высшей степени гуманитарную. Помещение своей страны в центр Европы – один из национальных мифов, который встречается во всех странах Восточной Европы. Степень этого настойчивого "центризма" прямо пропорциональна степени неустойчивости национального самоощущения и раздвоенности стремлений молодых наций к западу от России, которые обрели государственность. В Беларуси миф о центре Европы особенно популярен. Будто сам факт существования этой точки С на нашей территории способен магическим образом развеять вонь отхожего места на автовокзале Глубокого, которого не минует ни один безмашинный искатель ледниковой чаши озера Шо – этого Грааля белорусских еврофилов.

Помещение своей страны в центр Европы – еще одно проявление моды на европейское. Это и проявление изменений в национальной идентичности белорусов. При Советском Союзе никому и в голову не приходило локализовать центр Европы в белорусском Поозерье. А если кому и приходило, то заканчивалось для него так плохо, что отбивало всякую охоту держать такие глупости в голове. Сравнить площадь страны с площадью Бельгии или Дании было модно, потому что это подводило читателя к ощущению могущества "одной шестой части суши", на которые простирался Советский Союз. Принадлежность же Беларуси к Европе замалчивалась, была табу. Только после 1991 года это растиражированное национально-освободительным движением утверждение стало стереотипом.

Первое объяснение европейских симпатий белорусов – их желание разделить материальные блага, которые пользуют сегодня все страны единой Европы. Европа сегодня – это воплощенное чудо, вызывающее восхищение и на восток от Буга, и за Атлантикой, и за Босфором. Если бы в Евросоюз могла войти любая страна, как, например, в ООН, то на уже завтра в Европу "вступили бы" все страны Африки с Демократической и Народной Республиками Конго включительно. К счастью, мудрые европейцы сами выбирают себе союзников. Однако составляющими европейского чуда являются не только материальное благополучие, но и новое политическое мышление, атмосфера добрососедства и толерантности, которой характеризуются межгосударственные отношения в Европе. В сегодняшней Европе воплотилась давняя мечта о прекращении этнических столкновений и войн, военного противостояния и гонки вооружений, отказ от решения конфликтов посредством оружия – по крайней мере, в границах Европы. Силу еще считают необходимой для устрашения внешних врагов, но не для непосредственного применения и, уж конечно, не в самой Европе. Война между европейскими супердержавами невозможна. Окруженная зонами перманентных конфликтов новая Европа кажется настоящим раем. Тем большим шоком стали события в Боснии, потому что это было трагическое исключение. Культура мира и терпимости, воцарившаяся в Европе, ошеломляет и восхищает, словно новая социальная формация.

Новая Европа кажется чудом не только в сравнении с близлежащими конфликтными зонами, но и в проекции на предшествующие столетия европейских кровопролитий. То, что сейчас европейцы считают нерушимыми принципами фундаментальной культуры, на самом деле совсем новое явление. Старая культура окончательно была изжита только после Второй мировой войны. А до этого в Европе веками происходило то, что мы наблюдаем теперь между Эритреей и Эфиопией или в Индонезии. Корни современного мировоззрения можно отыскать во временах Просвещения, но Европа пришла к нему прежде всего в результате осмысления трагедии Второй мировой войны. Культура мира – новое явление в Европе.

Цветущая Европа долгое время все-таки вызывала у белоруса большие сомнения. Для среднего гражданина до последнего момента *mission civilisatrice* Европы ассоциировалась прежде всего с плакатами "Гитлер-освободитель". Человеку, которому в Освенциме без анестезии проводили ампутацию, тяжело согласиться, что европейскость – это цивилизация. Наука – может быть, но не цивилизация.

Вторая мировая война была для Беларуси – от Налибокской пуши до кричевских лесов – апокалипсисом, уничтожением мира. В сознании многих, если не большинства белорусов, не только Германия, но и вся Европа несла за нее ответственность. Во-первых, из-за Мюнхенского соглашения; во-вторых, из-за капитуляции в 1939 году; а в-третьих, из-за соучастия в насилии. Немецких эсэсовцев в лютоści превосходили венгры, литовцы и латыши, а украинцы сожгли Хатынь. Как для многих евреев Европа остается ученицей дьявола, антисемитской по своей природе, так и старшее поколение белорусов долгие годы несло в своей душе обиду за эту войну.

Белорусы считают мир наивысшей ценностью. Знаменитое "лишь бы не было войны" – основа их политического поведения. В 1950–1980-е белорусская культура создала богатую пацифистскую традицию, которая включает в себя произведения литературного, музыкального, декоративного искусства. Гуманистичное и антивоенное послание миру несли такие шедевры живописи, как "Партизанская Мадонна" Михаила Савицкого. Даже массовая культура не избежала военной тематики: было написано немало песен, смысл которых можно определить как явно или скрыто пацифистский ("Было ў салдата два полі"). "Хотим мы, чтоб мирное небо Не знало пожаров войны... Мы дружбы народам желаем И братской сердечной любви", – пелось в нефромальном гимне белорусов "Радзіма мая дарагая", мелодия которой стала позывными Белорусского радио, а теперь еще и маршем почетного караула во время государственных церемоний. Очевидно, что главную роль в создании пацифистского дискурса сыграла литература, которая в то время значительно влияла на состояние общества: особенно яркими явлениями были эссеистика Алеся Адамовича и Янки Брыля, романы Василя Быкова и Ивана Шамякина с их деромантизацией войны. На пацифизм и толерантность не посягал ни один из более или менее значимых творцов той эпохи, присутствие этой тематики в произведениях было даже навязчивым.

Власть приветствовала этот пацифизм. В белорусской советской культуре он был одним из проявлений конформизма, суррогатом явного диссидентства, на что не отважился никто из значимых деятелей белорусской культуры, и этот пацифизм был настолько массовым и последовательным, что стал частью культурного и политического канона и феноменом, формирующим сознание, буквальным образом проникнув в ментальность нации. Кажется, что это проникновение произошло по причине того, что он вполне естественным образом отвечал исторической памяти людей и коренился в предшествующей белорусской культурной традиции. (Кстати, влияние белорусской массовой культуры и, в частности, литературы на формирование сознания белорусов в советский период часто недооценивается, прежде всего из-за трансформации способов массовой коммуникации, когда ранее важные ее формы теперь маргинализированы телевидением.) В любом случае, пацифизм и проповедь терпимости в белорусской культуре советского периода заслуживают пристального внимания. Изменение первых строк государственного гимна, осуществленное Александром Лукашенко, с "Мы, беларусы – з братняю Руссю" на "Мы, беларусы, мірныя людзі", на первый взгляд казалось поиском варианта, который никого бы не обидел. На самом деле в этом выборе скрыты интуиция и оппортунизм, такие характерные для политического стиля Александра Лукашенко в целом.

Белорусский пацифизм сформировался в результате эволюции сознания, очень похожей на ту, что произошла в послевоенной Европе. Там она тоже зародилась во времена холодной войны с созданием пацифистского канона, целью которого было недопустить повторения ужасов Второй мировой. "Современная европейская культура, – пишет Роберт Каган, – это сознательное отрицание прошлого, отрицание зла былой европейской *Machtpolitik*. Это понятное выражение страстного желания, чтобы прошлое никогда больше не вернулось. Ибо кто лучше европейцев знает, чем грозит одержимость властью, чрезмерная вера в военную силу и даже идея равновесия сил и *raison d'etat*? Как это выразил в своем выступлении в Университете Гумбольдта 12 мая 2000 года министр иностранных дел Германии Йошка Фишер, "сущностью европейской

идеи после 1945 года было и есть неприятие принципов равновесия сил и гегемонистских амбиций государств, которые возникли после Вестфальского мира 1648 года". Сам Европейский союз – это плод страшного столетия войн в Европе. "Евросоюз мог бы превратиться в глобальное супергосударство, противовес Соединенным Штатам, но Европа не хочет быть сильной, – делает вывод Каган, – Европа "с Венеры". А США – суперсовременная военная держава – "с Марса".

В антивоенной культуре европейцев, вынесенной как откровение "из огненной деревни", из Холокоста и разбомбленного Дрездена, мне видится то общее, что закладывает твердый фундамент единого европейского пространства. В Европе новый антивоенный идеализм окончательно оформился после исчезновения внешней угрозы – СССР. А в Беларуси катализатором такого развития послужил контраст европейского благополучия с российскими войнами 90–х.

Даже мое поколение, не говоря уже о более старших людях, свидетелях сталинской и гитлеровской оккупации, жило в 90–х с тревожным ощущением того, что события могут принять трагический поворот. Повернись история чуть–чуть не так, выйди на манифестации 1996 года на пару тысяч меньше или на пару тысяч больше народу, перебери Ельцин норму граммов на двадцать – и я, как тот парень из "Крамбамбули", был бы теперь на Кавказе, под Бамутом, где теперь мой двоюродный брат Антон, российский гражданин, исполняет свой проклятый священный долг в спецназе внутренних сил. Или другой вариант: в Дом правительства вошел бы Позняк, не понятный Востоку и Западу, и Россия сделала бы с Беларусью то, что теперь делает с Чечней. Не ясно, какой из этих двух вариантов хуже для твоей собственной шкуры. Но оба они были реальны! И, перефразируя Гобсбаума, история не заплакала бы о разлитом молоке.

3

Белорусы – это однозначно подтверждают социологические исследования – не приемлют войну ни в каком виде. Отправка белорусских военных в горячие точки России, прежде всего в Чечню, представлялась миллионам людей неприемлемой, кошмарной вероятностью все время, пока продолжалась белорусско–российская интеграция. Ельцинская раннекапиталистическая Россия была огромным полем чудес, где шла игра в капитализм без правил. Путинская Россия достигла экономической стабильности и пытается возродиться в качестве великой державы со всеми неизбежными, как ей кажется, издержками – управляемой демократией и возвращением к советским символам. Две эти непохожие России объединил кошмар двух чеченских войн и терроризма, который их сопровождает. У России нет такой современной армии, как у США, а состояние ее экономики вызывает жалость, но по своему сознанию Россия, как и Америка, – с Марса. Как показали две чеченские войны, война для России остается продолжением политики другими средствами. "Культура мира", отказ от насилия несвойственны российскому политическому мышлению. Такое отличие между мировоззрениями белорусов и россиян может быть обусловлено только различием их исторического опыта. Не углубляясь в древнюю историю, хочу только отметить различие в исторической памяти про Вторую мировую войну. Для России война 1941–1945–го стала очередной Отечественной войной из разряда кутузовской. Вторая мировая потребовала от России мобилизации всех внутренних резервов,

огромного напряжения сил и миллионных жертв, но она закончилась и запомнилась прежде все как война победная, как еще один, самый важный триумф русской армии. Война затронула тысячи квадратных километров, но разве что десятую часть национальной территории России.

Для Беларуси война 1939–1945-го стала гораздо большей трагедией, потому что коснулась почти каждой семьи, расколола общество на советских патриотов и пронемецких коллаборантов, на фоне главного противостояния сопровождалась локальными конфликтами, такими как польско-белорусский, радикально изменила этнический состав населения. Для белорусов память про войну – это Хатынь, воспоминание не о подвигах, а о страданиях. Символический аналог Хатыни – Освенцим. В то время как для русского Мамаев курган – это очередное Бородино, воспоминание о стойкости и исключительности русского характера. Символический аналог могилы неизвестного солдата в Москве – такая же могила под Триумфальной аркой в Париже. Не исключаю, что найдутся политические деятели, которым захочется, чтоб их страна выиграла еще пару битв масштаба Сталинградской, но сомневаюсь, чтобы на вершину власти какой бы то ни было народ вынес человека, желающего своим соотечественникам повторения Хатыни или Освенцима. Отважусь утверждать, что именно разная историческая память о Второй мировой войне является одной из причин того, почему, несмотря на значительную степень языковой и культурной русификации белорусов, так отличается ментальность двух народов. То, что в схемах советских идеологов должно стать цементом, который навечно соединит новую историческую общность – советский народ, в действительности сегодня их разделяет. Посредством единого информационного пространства за чеченской войной можно наблюдать почти живую. Точнее, можно было наблюдать, пока в России было относительно свободное или безответственное – as you like it – телевидение. События в Чечне для восточноевропейцев – белорусов, украинцев или литовцев – тем более ужасны, что происходят на знакомой, узнаваемой территории, к которой наблюдатели недавно принадлежали сами, и часто там, где эти наблюдатели бывали лично. Белорусы живут в одном культурном пространстве с 65-летней пенсионеркой из Хабаровска, которую изнасиловал и убил 22-летний инвалид чеченской войны. Подобное озверение знакомо нам со времен Второй мировой, когда брат доносил на брата и сосед убивал соседа. В последние года два грозненских руин на российских экранах я не видел. Но это не означает, что уменьшился страх оказаться на месте чеченцев или на месте русских солдат в Чечне – и то, и другое для белорусов еще реально или, по крайней мере, вообразимо. Этот страх остается в подсознании, накладываясь на повествования, транслированные в публичном дискурсе, и на личной, семейной памяти о последней войне, через которую, как по краю конца света, прошла Беларусь.

России тяжело рассчитывать на рост симпатий в Восточной Европе, пока продолжается чеченская война и не остановлен терроризм. Не знаю, разовьется ли в России стойкое неприятие любых войн, как это произошло в Европе после Второй мировой. Пока этого не видно – возможно, вирус небольшой концентрации только усиливает иммунитет. Даже мой родной дядька, отец упомянутого Антона, поддерживает эту войну. Мне тут нечего добавить.

Беларусы чаще ищут в Европе убежища и протекции, чем видят в ней свою отчизну и цель. Чего мы хотим от Европы? Чтобы там не было России. "Беларусь – в Европу" для многих адептов этого лозунга значит прежде всего "Прочь от России". Европа in se не такая уж и цель для них. Тем не менее белорусы – я, ты, мы, они – разделяют с европейцами единую "культуру мира". Война, диктат, гонка вооружений, силовое решение межгосударственных конфликтов для людей этой культуры неприемлимы. И это вовсе не результат того, что мы, используя въевшийся термин квазинаучной теории Гумилева, утратили пассионарность. Мы с Венеры, а не с Марса, потому что прошли через общие для всех европейцев испытания и осознание их: через норманнское завоевание, крещение огнем и мечом, ганзейскую торговлю, еврейскую конкуренцию, басурманскую угрозу, бунты бедноты, ренессансное открытие человека и одновременно корней своей культуры, через встряску Реформации, барочную чрезмерность, рационализм Просвещения и закалку капитализмом, чтобы молот Второй мировой выковал, наконец, теперешнюю культуру мира и терпимости. В центральноевропейской любви к Европе действительно много страха перед Россией, памяти про обиды прошлого и боязнь будущего. Нельзя упрекнуть белорусов в том, что они ищут в Европе спасения от угрозы, которая многим наблюдателям кажется надуманной. Нельзя объяснить это чувство только сущностно свойственной белорусам русофобией. Тут я просто повторяю мысли Юрия Андруховича об отношениях украинско–российских, ошибочно сводить наши чувства к этому стереотипу, к нашему комплексу младших братьев.

Нет, мы не хотим, чтобы Европа вырвала из нас ту часть нас, которой является русская культура. В конце концов, она и не смогла бы сделать этого, потому что это зависит от нашего выбора, а не от Европы. Белорусы, как и остальные восточноевропейцы, бегут не от России как таковой, не от культуры Салтыкова–Щедрина и Чайковского, они бегут от евразийского беспорядка, культа силы, права сильного, от всего того, что развилось и укрепилось при освоении бесконечных просторов Азии и Сибири и что до сих пор не обуздано.

Стремлением интегрироваться в Европу руководит не только страх. Его диктует и связь цивилизаций, память о былом единстве, от норманнских времен до Наполеона. К интеграции склоняет и экономический прагматизм. Хотя белорусские реалии и остаются далекими от европейских.

5

Воздушные ворота страны, аэропорт "Минск–2". Его неотопляемые, слабо освещенные коридоры с многочисленными узкими лестницами–переходами не знают, что такое эскалаторы; его выдавшие виды двери открываются только одной створкой; его неспешные автокары возят чемоданы в одиннадцать раз медленнее, чем их франкфуртские коллеги; его визовые работники не могут принять у гостей из иноземных областей валюту евро – положено в долларах. Необъятные пустынные холлы аэропорта, рассчитанные на прием десятков тысяч пассажиров в день, встречают всего десятки; почта–телеграф "работает круглосуточно", но обязательно встретит тебя табличкой "обед 13–14"; на автобусной остановке тебя ожидает неизлечимо красный дедушка–"Икарус" – благодарность освободителям от потомков 1956 года. Вот ты и попал в центр Европы.

"Икарус" трогается, покидает двор аэропорта с суггестивно-одиноким рекламным щитом "МАЗа", и за окном радуют глаз разлогие перелески, ухоженные, словно газон, поля, катится ровненькое шоссе – и так все полчаса езды до самой зеленой столицы европейского континента. Не бойся, эта страна окажется лучше, чем первое впечатление о ней. Ты не найдешь другой такой страны, которая "в целом" настолько бы отличалась в лучшую сторону от всех разбросанных по периметру и внутри "частностей": государственных и полугосударственных, военных и паравоенных учреждений и учреждений, в том числе и пунктов пропуска на границе. словно не этот терпимый и старательный народ их породил. Впрочем, и правда не этот. Они остались неизменными с прошлого, советского времени, нередко в комплекте со своим персоналом. Будь ты иностранец, что впервые в этом лесном краю, или соотечественник, что вернулся *на батьковщину* после долгого пребывания за границей, ты всегда удивляешься, насколько часто разные важные и неважные государственные конторы, учреждения и пункты – о, родниковая белорусская речь! – от Резиденции Президента (запомните, эти слова в Беларуси пишутся с заглавной буквы) до вахт общежитий превратились, а может и задуманы, спроектированы анонимными мыслархитекторами этих институтов как? нет, не как пыточные, но по крайней мере как испыточные. И все они, от самой ничтожной вахты самого малоэтажного общежития до громадного минского аэропорта появились в советскую пору, и сами они, и их функции, и способы функционирования – это феномены советского модернизаторского эпизода, что превратил белорусскую "иную Европу" в передовой полигон социального эксперимента.

6

Брест, железнодорожные ворота страны. Поезда из Варшавы и Берлина, идущие на Минск, пересекают Буг ночью – чтобы утром пассажир уж был в столице. После короткой стоянки на Варшавской стороне брестского вокзала состав отправляется назад, в сторону границы, и затуманенному ночным бдением (два таможенных и два пограничных контроля) сознанию кажется, что происходит мистический обряд инициации. Поезд заползает в полумрак ангара, мощные домкраты поднимают вагоны и чьи-то невидимые руки где-то внизу, во владениях Гефеста, с грохотом выбивают одну за другой многотонные колесные пары и цепляют новые. Путешественник-новичок еще может посчитать случайностью мятые физиономии и униформы пограничников и таможенников, которые обыскивают каждого интеллигентного пассажира не только на наличие оружия и валюты, но и печатных изданий и рукописей. (Поэтому активисты белорусской демократической оппозиции решили для конспирации набираться до белых коников, что гарантированно избавляет от унизительной процедуры личного досмотра: пьяных тут не трогают, им сочувствуют, их понимают.) Тут начало другой Европы. После ритуала смены колес каждому равнодушному глобтроттеру становится ясно: он попал в другой мир, тут живут по своим законам. Нечто подобное, должно быть, чувствовали русские князья, когда под завывания шаманов проходили меж огней в Орде. Указателя "конец Европы" в Бресте нигде нет. Да он и не нужен. И так все ясно.

Железные дороги с широкой, "неевропейской" колеёй появились в Беларуси в XIX веке, когда страна была частью Российской Империи. На такую хитрость пошли в оборонительных целях, чтобы враждебные

державы не могли использовать стальные пути для быстрого продвижения вглубь России. Да и прокладывали дороги не через самые важные города, а прежде всего так, чтобы можно было оперативно перебросить войска к рубежам Империи. В таком переименованном облике появился в Беларуси ранний капитализм. Незавершенная, половинчатая модернизация шла в Беларусь из Европы, но через Россию. Почти одновременно с постройкой железных дорог были отменены европейское право (Литовский статут) и западная церковь (униатство), а белорусский и польский языки и культуры поражены в правах. Именно тогда Беларусь из просто Европы на полтора столетия стала "иной Европой". С тех пор белорусский поезд катится по широкой колее, а вопрос цивилизационное принадлежности стал предметом обсуждения.

7

Частью какой цивилизации – западной или восточной – является Беларусь? Поскольку белорусский национализм – естественный ровесник капиталистической модернизации и русской культурной экспансии на землях бывшего Великого Княжества, споры по этому вопросу ведутся, сколько существует белорусский национализм. Лукашенко дополнил их новой теорией – мы не часть, мы центр восточной цивилизации, четвертый Рим или третий Киев, кто как пожелает. (А пятой, в таком случае, суждено стать Астане.) Однозначного ответа нет. Четверть населения Беларуси – католики и протестанты. Кроме того, у нас вековые традиции Унии, философия которой жива и поныне. Но высокая степень русификации дает право оспаривать идею о западной принадлежности белорусов. Сэмюэль Хантингтон однозначно отнес Беларусь к православной цивилизации и, не вдаваясь в детали, провел линию раскола цивилизаций по советско–польской границе 1920 года; именно эти линии, в соответствии с его теорией, будут фронтами международных конфликтов в XXI веке. Хантингтон пишет: "Некоторые ученые выделяют православную цивилизацию, центр которой – Россия. От западного христианства ее отличает византийское происхождение, особая литургическая практика, 200 лет татарского ига, бюрократический деспотизм и ограниченный контакт с Ренессансом, Реформацией, Просвещением и другими феноменами, имеющими огромное значение для Запада". Беларусь, правда, и через западную литургию прошла, где священник стоит лицом к людям, а не к алтарю; и Ренессанс пережила (Скорина) и Реформацию (Симон Будный, Николай Радзивил Черный) и даже Просвещение, несмотря на тяжелое положение страны, волею судьбы затиснутой между фантастически богатой Россией, уже приросшей Сибирью, и идиотски своевольной шляхтой.

Историк Олег Латышонок называет карту Хантингтона путаной. Конфессиональный, т. е. в понимании Хантингтона цивилизационный "раскол издавна был проблемой для формирования белорусской нации, – пишет Латышонок. – Ради его преодоления белорусов пробовали объединить через протестантство (первый известный истории человек, который сам назвал себя белорусом, Соломон Рысинский, был протестантом), униатство или атеизм. Жизнестойкость белорусского национализма, которому уже более двухсот лет чужие политики, а также западные и восточные ученые пророчат скорую смерть, вероятнее всего является следствием не только любви к родному языку и культуре, но потребности в чем–то, что объединит конфессионально разделенное общество". Сама же принадлежность белорусов к западной цивилизации, как считает Латышонок, обусловлена не конфессиональным фактором, а

белорусским национализмом, нациотворческой идеологией европейской закалки. Белорусское общество не вписывается в описанную Хантингтоном православную цивилизацию, поэтому Беларусь, которая по Хантингтону уже в 1995 году "стала фактически частью России", так ее частью фактически не стала.

Двойственность цивилизации в Беларуси на самом деле имеет место, но, как мне кажется, она проявляется не столько в наличии двух конфессиональных традиций или языков, сколько в сосуществовании противоположных политических культур, двух философий власти. Постсоветские конфликты, не основанные на конфессиональных или идеологических различиях, отчетливо столкнули приверженцев деспотической и демократической концепций власти. Симптоматично, что Лукашенко, олицетворяющий собой идею сильной власти, родился на самом востоке Беларуси, в Копыси, на земле, славной уникальной популяцией черных зайцев, и взлет его карьеры связан с востоком страны, с землями, за которые Брючислав и Всеслав Полоцкие долго боролись с киевскими Ярославичами. В то время как яркие лидеры прозападной партии (Пазняк, Домаш) сплошь из западных районов, и даже мастер компромисса Гончарик родился на Логойщине, там, где Ягайло построил первые белорусские костелы.

8

Практическую задачу достижения страной стандартов *acquis communautaire* будет выполнять следующее за лукашенковским поколение политиков, не отягощенное культурными комплексами своих предшественников. Предпосылки этого создаются. Не только Беларусь все успешнее перенимает европейский опыт, но и Беларусь все лучше узнают на Западе. Это произошло не сразу. Для Запада (не для славянского мира, где Беларусь хорошо знали и раньше) она была в еще большей степени "нацией ниоткуда", чем Украина. Тем не менее, с разной степенью трудности европейцы в прямом и переносном смысле освоили название новой страны, что расположилась на истоках Днепра, Двины и Немана. (По этому поводу анекдот. В 1992 году французы решали, какой род будет иметь слово "Belarus" в соответствии с законами французского языка. Посольство Франции в Минске послало запрос во Французскую академию. Через полгода пришел официальный ответ: мужского.) В начале 90-х многие считали Беларусь геополитическим курьезом, академик Французской академии Элен Каррер д'Анкокс призывала удалить ее с политической карты мира. Теперь такого больше не услышишь, это уже не кажется политически корректным. Несмотря на отдельные неприятности – гнетущее впечатление, например, произведет визит Лукашенко к Шираку в 1996 году, после первого из постыдных референдумов и перед вторым, – Европа заслужила громадное доверие белорусского демократического движения благодаря своему уважительному отношению к белорусской независимости и деликатному желанию не сделать ничего такого, что могло бы усилить угрозу исчезновения Беларуси с политической карты мира. Короче, благодаря произвольным и невольным усилиям двух сторон присоединение Беларуси к Евросоюзу больше не кажется всего лишь громким лозунгом ("Беларусь – в Европу, Лукашенко – в жопу"), а постепенно становится реалистичным завтрашним днем практической политики. Когда же Беларусь "перейдет на узкую колею"? В смысле транспортном, наверное, не раньше, чем железнодорожные пути отомрут. Правда, Литва вот проложила специальную ветку–узкоколейку от польской границы до

Вильнюса – там колеса не меняют. А вот в смысле присоединения к евроструктурам, можно смело прогнозировать, что это произойдет вскоре после перехода Беларуси от авторитаризма к демократии, и не ранее. Общая культура мира и терпимости – только предпосылка для полноценного включения Беларуси в континентальный политический и хозяйственный механизм. Кроме мира и ненасилия Евросоюз базируется на другой фундаментальной ценности – уважении собственности и вытекающем из этого уважении политической свободы человека и общества. Эта ценность еще не закрепились в Беларуси. Национальная или политическая свобода, в отличие от религиозной, до сих пор у нас оспариваются. Среди белорусов пока не укрепились понимание того, что руководитель страны должен быть подотчетен своему народу точно так же, как народ подотчетен своему руководителю. Это, скорее всего, наиболее разительно отличает нашу страну от "стопроцентно европейских". И является оно следствием тоталитаризма, который, как сказал Уинстон Черчилль, запрещал все, а все дозволенное делал обязательным.

Тем не менее и ценность политической свободы проникает в Беларусь через пограничную колючую проволоку, благодаря уже никем более не оспариваемой свободе перемещения. В отличие от президента, который перед выборами 2001 года, предопределившими его второй срок, заявил: "Это моя страна! Я здесь родился, вырос и я здесь умру, чего бы это мне ни стоило!" – тысячи молодых белорусов так не думают. Они собирают смородину в Норвегии и штукатурят дома в Польше, пишут компьютерные программы для немецких железных дорог, гоняют машины из Голландии в Россию и даже, к сожалению, осваивают американский рынок порнографии. Свобода перемещения сближает культуры. (Правда, движение пока еще преимущественно одностороннее. Даже не верится, что когда-нибудь люди будут мигрировать не только из Беларуси в Германию, но и наоборот, как это было 500 лет назад.) Эта миграция тоже укрепляет уважение людей к такой ценности, как политическая свобода.

Как показывает опыт Испании и Португалии, демократия приживается за несколько лет. В Беларуси политическая свобода могла бы укорениться на примере религиозной.

Этот процесс зреет сам собой, и неправильно было бы его торопить. Быстрое может стать тут врагом хорошего, а лекарства – более опасными, чем сама болезнь. Я прежде всего имею в виду желание чем быстрее привнести в Беларусь демократию через Россию. Если это на самом деле произойдет, а вместе с демократией придет и капитализм, то это будет означать продолжение периода "широкой колеи".

9

В процессе евроинтеграции белорусского общества особое место могли бы занять белорусы Белостока и Вильнюса, которые уже сегодня видят себя белорусским Пьемонтом и хотят сыграть главную роль в процессе изменения белорусской идентичности. В присоединении Беларуси к Евросоюзу они видят в том числе возможность воссоединения с родиной без изменения границ. К тому же эти регионы сильно страдают от барьеров для перемещения товаров и людей. Все это делает их естественными локомотивами европейской интеграции. Привилегии для меньшинств, гарантированные законодательством Евросоюза,

вдохновляют их сообщества на деятельность необычную и ранее не характерную для национальных кругов. Они дают убежище эмигрантам из Беларуси, обучают избирательным технологиям, учреждают средства массовой информации, предназначенные прежде всего для аудитории в Республике Беларусь.

С учетом того, что белорусская нация в своем развитии отставала от центральноевропейских на шаг, ее вливание в сложный европейский механизм не будет безболезненным и потребует создания особых механизмов защиты культурной идентичности. Дипломатия, терпеливые переговоры, структурная перестройка экономики, ежедневная работа интеллектуалов над созданием европейской идентичности белорусов – все это не так просто осуществить, учитывая полтора столетия разобщенности.

10

В 90-х годах прошлого столетия белорусы перенесли несколько ударов, которые по своей силе мало отличались от того, что произошло с немцами после Первой мировой войны. Перефразируя суждение Нормана Мейлера о гитлеризме, можно сказать, что инфляция, которой сопровождался постсоветский экономический кризис, уничтожила базовую белорусскую идею личности, состоявшую в том, что человек, который трудится в поте лица своего и экономит деньги, гарантирует себе обеспеченную старость. Вероятно, через десять лет Лукашенко не пришел бы к власти, если бы не эта неудержимая инфляция и Чернобыль. Но раны 90-х потихоньку заживают, и даже появляются знаки того, что тебе посчастливится дожить до того времени, когда тысячи людей будут так же свободно выбирать Беларусь, а не Германию, как и 500 лет назад, и что среди них будут предки новых белорусских Шагалов, Мицкевичей и Вольских. Пусть теперь ты живешь в мире без серьезного нарратива социального прогресса, без политически значимого проекта социальной справедливости, потому что эти идеи и эти проекты надолго дискредитированы коммунистическим экспериментом; но, как и европейские интеллектуалы-рационалисты эпохи Просвещения, ты веришь, что совершенный свет возможен, и если пока еще не на всей планете, то хотя бы в единой Европе – на континенте без войн, без насилия, без дискриминации, где есть место и твоей нации и тебе.

Published 2004-07-28
Original in Belarusian
Contribution by Arche
(c) Arche
(c) Eurozine